

ПЕРВЫЕ БОИ

1

В голубом безоблачном небе плыли самолеты. Маленькие и легкокрылые, похожие на птиц, они шли одним косяком, разбившись по трое, звеньями, так четко поддерживая равнение, словно были связаны друг с другом невидимыми нитями.

Под крыльями самолетов расстилалась бескрайняя приволжская степь, еще не тронутая палящим летним зноем. Расцветали луга, прозрачный пар поднимался от распаханной тракторами земли.

Родная советская земля! Трудно было представить себе, что совсем недалеко, в каких-нибудь двухстах—трехстах километрах, на ее просторах бушует война.

«Скоро фронт...» — мелькало в мыслях то у одной, то у другой девушки-авиатора. Им и раньше приходилось летать строем и по маршруту. Но то были учебные тренировочные полеты. Теперь они совершали свой первый самостоятельный полет.

Через час сорок минут пошли на посадку у небольшого степного хутора, известного своей кумысолечебницей. Сели на луг, усыпанный цветами.

Выскочив из самолетов, рассыпались по лугу — звонкоголосые, молодые. Всплескивали руками, смеялись:

— Да это рай!

— Цветы!.. Какая прелесть!

Жене Жигуленко особенно повезло: ей первой бежавший навстречу хуторской парнишка поднес большой букет душистой сирени.

Вскоре у всех в руках были охапки цветов.

Расставив самолеты и накрыв моторы чехлами, девушки разбрелись по степи. Здесь был небольшой промежуточный аэродром, на котором стояли самолеты разных типов. Вокруг них копошились летчики, авиамеханики, обслуживающий персонал.

Отдохнув, пообедав, вечером пошли в кино. Когда настала ночь, собравшись в кружок на лугу, тихо запели:

Спят курганы темные, солнцем опаленные,
И туманы серые ходят чередой...

Одна песня сменялась другой. Запевала пилот Таня Макарова, пригожая девушка с мечтательными, подернутыми дымкой глазами и ямочками на щеках.

Короткая майская ночь минула незаметно. С рассветом полк продолжал свой путь. Пролетев еще около полутора ста километров, приземлились на аэродроме в районе Сталинграда. Здесь было много самолетов. Одни поднимались в воздух, другие садились.

После обеда и заправки машин полетели к конечному пункту маршрута — станции Морозовской.

День был солнечный, но ветер, вначале чуть приметный, резко усилился. За Сталинградом почувствовалось дыхание войны. С высоты были видны свежеврытые окопы, длинные противотанковые рвы, исполосовавшие землю.

Штурманы нетерпеливо и чуть настороженно поглядывали на карту. Где же Морозовская? Время прошло... Очевидно, встречный ветер основательно затянул полет...

Внезапно воздух наполнился рокотом многих моторов. Навстречу пронеслись «ястребки», петляя и кружась. Это наши истребители встречали женский полк, демонстрируя свое мастерство.

Вот и аэродром с посадочными знаками. Самолеты пошли на посадку. На аэродроме уже были заготовлены трава, солома, ветви, целые деревья для маскировки машин.

Первый большой перелет закончился успешно. Марина Раскова и Евдокия Бершанская приказали всем отдыхать, а сами вылетели к командующему воздушным соединением для доклада.

В штабе их встретили радушно. Командующий был в отъезде, просил подождать. Завязалась оживленная беседа с работниками штаба. Они интересовались полком, уровнем его подготовки, готовностью приступить к выполнению боевых заданий.

Раскова и Бершанская заверили, что полк представляет собой настоящую боевую единицу, что девушки-авиаторы от мужчин не отстанут.

— Очень приятно слышать, — улыбнулся генерал, но за этой вежливой улыбкой чувствовалось некоторое сомнение.

Вскоре вернулся командующий генерал Вершинин. Усадив Раскову и Бершанскую в кресла, он стал подробно расспрашивать, как прошел перелет с берегов Волги, как устроились, в каком состоянии полк. Потом он захотел ознакомиться с документами, характеризующими персональную подготовку летчиков, техников и вооруженцев. Бершанская развернула огромный рулон ватманской бумаги.

— Да тут читать хватит на сутки, — невольно улыбнулся командующий и стал просматривать материалы.

Потом он задал ряд вопросов. Летали ли летчицы в лучах прожекторов? Умеют ли они возить двух человек в задней кабине? Умеют ли садиться без прожекторов и при ограниченном освещении? Летали ли с полной нагрузкой?

В заключение командующий сказал, что полк войдет в дивизию полковника Попова. Он предупредил: в дальнейшем, учитывая тактику неприятеля, полным составом не летать, делиться на группы и совершать перелеты на отведенный аэродром на рассвете или с наступлением сумерек.

Раскова поинтересовалась, какие в дивизии Попова полки: только ли легкомобардировочные или смешанные?

— Попов у нас «купец», — шутя ответил командующий — он все берет, но ваш полк «По-2» пока будет у него единственным.

Комиссар эскадрильи
Ирина Дрягина

В полку с нетерпением ждали возвращения своих командиров. Хотелось скорее узнать: куда пошлют, что прикажут делать?

Политработники — Рачкевич, Рунт, Карпунина, Дрягина, Фетисова — ознакомили личный состав с оперативными сводками за последние дни. Наступление фашистских дивизий продолжалось. Шли ожесточенные бои за Донбасс, продолжалась блокада Ленинграда. В центральных газетах были помещены корреспонденции о героических действиях нашего флота на Севере, партизан в Белоруссии, в Брянских лесах, на Украине, об усилении сопротивления в оккупированных гитлеровцами странах Западной Европы.

Наде Поповой врезалось в сердце одно:

— Фашисты в Донбассе... Донбасс в огне!..

Это ее родной край, лучше которого нет на свете. Здесь ее старики прожили без малого полвека, здесь ее отец — железнодорожник десятки лет водил поезда. Здесь она впервые громко прочла в классе «Ро-ди-на...»; тут она впервые увидела самолет, и это определило ее дальнейший жизненный путь. Что теперь делается в Донбассе, в тихом поселке Мушкетово?

Гнев обжигал грудь. Скорее бы, скорее в бой! Подвесить бомбы и обрушиться на головы фашистских разбойников!..

...Сообщили о возвращении Бершанской и Расковой. Командиров и штурманов эскадрилий, политработников вызвали к командиру полка.

2

К вечеру следующего дня весь полк в полном составе перебазировался на один из прифронтовых аэродромов. Самолеты были расставлены в большом фруктовом саду под деревьями и тщательно замаскированы.

Личный состав разместился в домиках местных жителей — белых украинских хатах, окруженных садами. Правда, сады носили уже на себе следы войны — кое-где лежали поваленные деревья, сломанные заборы, кое-где грядки были потоптаны. Но, войдя в домики, отведенные им, летчицы были удивлены и даже несколько разочарованы. Разочарованы потому, что рушилось их представление о фронте, — не землянки были перед ними, а чистенькие комнаты с вымытыми полами и кровати со свежим бельем.

Столовая «развернулась» в саду, под деревьями. И здесь было так чисто, уютно, так весело бегали солнечные блики по белым скатертям, что на миг почудилось, будто нет никакой войны, все тихо, безоблачно...

На душе было и радостно и тревожно: утром предстояло первое знакомство с командиром дивизии полковником Поповым. Надо было встать пораньше, одеться поаккуратнее, до блеска начистить сапоги, подтянуться, держать себя молодцами. Разукрасив свои комнаты цветами и зеленью, девушки побыстрее улеглись спать...

К назначенному часу весь личный состав полка выстроился на аэродроме у самолетов. Ждали прибытия командира авиадивизии.

Полковник Попов появился в сопровождении Расковой и Бершанской. С людьми новой части, поступившей в его подчинение, он предварительно ознакомился по документам. Теперь он держался так, словно интересуется только материальной частью — самолетами. Лицо его было угрюмо. Он ничего не спрашивал, не говорил, молча шагая от самолета к самолету, не глядя по сторонам.

«Может быть, он недоволен чем-нибудь? — думали девушки. — Чем же?..»

Но командир дивизии молчал.

Когда летчицы расходились с аэродрома, насмешливая и острая на язык Саша Акимова, пожав плечами, продекламировала:

— «И на челе его высоком не отразилось ничего...»

Раскова и Бершанская также недоумевали. Хотя все было в порядке, — и люди и самолеты, новые, хорошие, — командир дивизии, идя с аэродрома, молчал, насупившись. И от того, что он хмурился неведомо почему, Расковой и Бершанской было не по себе.

Вспомнив шутку командующего о «купце» и желая разрядить атмосферу, Раскова спросила:

— Ну что же, товарищ полковник, берете?

Попов понял намек.

— Беру, — ответил он.

Все рассмеялись. Лед, казалось, был сломан. Перед отъездом командир дивизии сказал, что пришлет специалистов с планом дополнительной тренировки летного состава для работы в условиях фронта, и, прощаясь, обещал часто навещать полк.

— И все-таки он сомневается, — задумчиво сказала Раскова, когда полковник улетел на своем самолете. — Не верит... Что же, это понятно. Что он увидел? Двадцатилетних девушек...

— Но мы-то с тобой знаем, Марина Михайловна, что это за девушки, — сказала Бершанская.

— Мы знаем. Но нужно, чтобы и наше командование узнало и поверило.

Помолчав, Марина Михайловна добавила:

— А ты заметила, что все наши были немного расстроены встречей?

— Да, они даже приуныли.

— То-то! Необходимо рассеять это настроение. Надо внушить, что в дивизии смотрят на наш полк, как на серьезную боевую единицу, что от нас ждут активных действий. Все у нас так стремились на фронт, и теперь, когда мечта исполнилась, надо еще выше поднять боевой дух.

— Безусловно. Сегодня же соберем партийное бюро, комсомольское. Вызовем партторгов и комсorghов, лучших агитаторов. Общих собраний, я думаю, сейчас созывать не будем, проведем индивидуальные и групповые беседы, каждому объясним его задачу.

— Правильно. Свяжитесь с политотделом дивизии.

...Полк начал обживаться в новых, непривычных условиях.

Два дня спустя девушки прощались с Мариной Расковой, получившей новое назначение.

Когда она появилась перед строем полка, все заметили, как необычно блестят ее глаза, взволновано всегда спокойное, ясное лицо.

— Дорогие друзья мои! — сказала Раскова. — Вот и настал час нашего расставания. Не скрою, мне очень не хотелось бы с вами расставаться, но меня ждут другие обязанности. Вам, товарищи, предстоят большие дела! Мои пожелания — держите высоко знамя своего полка, докажите, что умеете защищать Родину наравне с вашими братьями! Желаю вам удачи. Желаю, чтобы ваш полк стал гвардейским!

Горячие, задушевные слова Марины Расковой глубоко тронули девушек-воинов.

В ответной речи командир полка капитан Бершанская заверила, что полк с честью выполнит все поставленные перед ним задачи.

Образ Расковой навсегда остался в памяти девушек, как образ

Старший техник
Римма Прудникова

прекрасной, сильной духом русской женщины, преисполненной достоинства и чести, пламенной советской патриотки, для которой в Родине воплощено самое дорогое, светлое и любимое на свете.

И еще запомнили они ее слова: «Желаю, чтобы ваш полк скоро стал гвардейским...».

3

Ночной легкобомбардировочный полк под командованием Е. Д. Бершанской прибыл на фронт в трудное время.

Это было летом 1942 года, когда гитлеровцы, воспользовавшись бездействием союзников СССР — Соединенных Штатов и Англии, — бросили все свои резервы на восток, против Советской Армии.

Отсутствие второго фронта в Европе и позволило гитлеровцам предпринять летом 1942 года мощное наступление против Советской Армии. После сокрушительного разгрома немецко-фашист-

ских войск под Москвой враг уже не имел возможности вести наступательные операции на всех направлениях, как было летом и осенью 1941 года. На этот раз захватчики развернули наступление на узком участке фронта на юго-востоке, задумав обойти отсюда Москву и затем овладеть нашей столицей. Обеспечив себе подавляющее превосходство в количестве войск, гитлеровцы яростно рвались к Дону — последней водной преграде на пути к Сталинграду и Кавказу.

Задача нашей армии в этот период состояла в том, чтобы как можно дольше задержать фашистские войска, не дать им переправиться на левый берег Дона, обеспечить планомерный отход наших частей на другие оборонительные рубежи, за которыми готовились новые резервы.

Ожесточенные бои шли в южной части Донецкого бассейна, на реке Миусе, на подступах к Таганрогу. Фашистские дивизии устремились к переправам через Дон у станций Константиновской, Мелеховской, Раздорской.

Здесь, над донскими степями, и предстояло действовать женскому авиационному полку.

Необходимо было прежде всего тщательно изучить район действий. Летчицы и штурманы засели за карты. Из штаба дивизии прибыли уже участвовавшие в боях на этом фронте офицеры. Под их руководством начались тренировочные полеты. Летали по маршруту и днем и ночью. Приучались распознавать с воздуха укрепленные пункты противника, его огневые точки. Совершенствовались в искусстве бомбометания. Осваивали методы полета в свете прожекторов и приемы выхода «из прожекторов», из-под зенитного обстрела.

Техники и вооруженцы также были заняты по горло. Самолеты, окрашенные в зеленый цвет, стояли готовые к вылету в любой момент. Инженеры полка Озеркова, Стрелкова, Илюшина, старшие техники Прудникова, Алексеева, Гогина, вооруженцы Марина, Вишнева, Логачева, Масленникова и весь остальной технический персонал учились работать в фронтовых условиях быстро и точно.

Боевое настроение нарастало с каждым днем. Девушкам не терпелось обрушить на врага всю свою ненависть. Жажда мести за кровь и страдания советских людей, за сожженные и разоренные города и села лишала их покоя.

Им тем более не терпелось сразиться с врагом еще и потому, что они чувствовали по поведению мужчин-авиаторов, что те не совсем уверены в боеспособности необычного полка, смотрят на них, как на девочек, которых при первом выстреле противника придется успокаивать, унимать, чуть ли не вытирать у них слезы. Прямо об этом никто, конечно, не говорил, но это сказывалось во многом, и девушки стремились поскорее доказать на деле, что они ни в чем не уступают в бою мужчинам-авиаторам.

Полк напряженно и деловито готовился к боевым действиям. Партийная и комсомольская организации делали все, чтобы закалять и укреплять боевой дух коллектива. Секретарь партбюро части Мария Рунт, секретарь бюро ВЛКСМ Ольга Фетисова, комиссар Евдокия Рачкевич и комиссары эскадрилий, используя советы работников политотдела дивизии, широко развернули агитационную и пропагандистскую работу. Приказ Верховного Главного командования о защите Дона, положение на фронтах и в тылу, международная обстановка — все это служило темами ежедневных бесед.

Вскоре состоялось первое на фронте полковое партийное собрание.

Задолго до назначенного времени коммунисты заполнили небольшую комнату рядом со штабом. На собрание приехали командир дивизии, начальник политотдела, инструкторы. В комнате было так тесно, что председательствующий стоял посредине, секретарь примостился с протоколом на подоконнике, а выступающие говорили оттуда, где сидели.

И тем не менее собрание это запомнилось коммунистам своей особой торжественностью и значительностью. Оно как бы дало им путевку в бой...

Старший техник
Татьяна Алексеева

Докладчик, начальник политотдела дивизии Велюханов, предупредил о неминуемых трудностях, напомнил об ответственности коммунистов, выразил уверенность, что коммунисты будут в авангарде, что полк достойно выполнит ответственные и почетные боевые задачи.

Речи выступающих были коротки.

Штурман эскадрильи Лариса Розанова, бывшая студентка, заявила, что готова к выполнению любого боевого задания, что горит желанием бить своими бомбами прямо в цель, беспощадно мстить врагу за горе солнечной Украины, за родной Киев.

Ирина Дрягина, комиссар эскадрильи, сказала:

— Дороже Родины нет для нас ничего на свете. Мы с честью выполним свой долг перед Родиной, перед народом!

В резолюции, принятой собранием, говорилось: «Партийное собрание требует от коммунистов и комсомольцев своей самоотверженной работой добиться того, чтобы полк стал одним из лучших на Южном фронте».

К этому стремились все девушки. Через несколько дней они получили возможность перейти от слов к делу.

4

Июньской ночью, безлунной и тихой, полк начал свою боевую работу. На аэродроме темно. Мигают карманные фонарики. Самолеты — в боевой готовности. Бомбы подвешены, замки проверены, приборы в порядке.

На командном пункте собрались командиры эскадрилий, их заместители, штурманы. Каждому экипажу объяснено его задание. Командир полка Бершанская со штурманом Бурзаевой вылетела первой. За ней — командир эскадрильи Амосова со штурманом Розановой.

Все, кто был в полку, собрались на старте. Пришел сюда и полковник Попов, пришли командиры из штаба дивизии.

На командном пункте тревожно поглядывали на минутную стрелку. Истекало время, отпущенное на выполнение задания. И вот знакомый гул мотора. Это вернулась Бершанская.

Она вышла из самолета, направилась к командиру дивизии, доложила. Девушки вереницей — за ней. Конечно, это неудобно, так не полагается, но разве утерпишь, чтобы самой, своими ушами не услышать первый в полку доклад о первом настоящем, боевом полете!

Слушая, что говорила Бершанская командиру дивизии, как отвечала на его вопросы, девушки расцвели, им хотелось кричать «ура».

— Вот это да!.. — прошептал кто-то с гордостью.

— Запевка дает тон всей музыке, — сказала вполголоса другая.

Первый боевой вылет прошел удачно. Бершанская пересекла линию фронта, попала в сетку прожекторов, маневрируя, вышла на цель, сбросила бомбы, видела взрыв. Задание было выполнено.

Полет Амосовой и Розановой проходил сложнее. Они точно рассчитали, когда должны быть над целью. Представляли себе, что тут обязательно раздастся грохот орудий, что их самолет встретят огнем. Но — странно... По расчету времени самолет должен быть над целью, а все спокойно.

— Давай вернемся на контрольный пункт, — предложила Розанова. — Сделаем еще один заход! Времени до рассвета много.

Вернулись обратно и снова полетели к цели. Целью была шахта, где размещался штаб противника. Вот она, эта шахта, вот изгиб дороги, вот железнодорожное полотно. И снова тишина внизу спутала все карты. Решили сделать третий заход и только тогда сбросили бомбы — прямо над целью. Раздался взрыв. Взметнулось пламя: пожар!

В следующую ночь на задания вылетели несколько экипажей, в том числе Нина Распопова с Женей Рудневой. Прежде чем сесть в самолет, Женя вынула из планшета тетрадь, вырвала листок и написала:

«Хочу идти в бой коммунистом. Клянусь до последнего дыхания, до последней капли крови громить фашистских оккупантов.

Е. Руднева»

Она сложила листок пополам, молча передала его Ольге Фетисовой и побежала к самолету.

Распопова и Руднева задание выполнили, но при возвращении не сразу опознали свой тщательно замаскированный и затемненный аэродром. Они сильно переживали это, но командир полка успокоила их:

— Боевое мастерство не дается скоро. Опыт, опыт — вот что вам нужно.

Женя Жигуленко была тогда начальником связи эскадрильи. Но хотя ей полагалось летать не каждый день, от случая к случаю, она одной из первых начала боевые полеты.

Перед вылетом она подала заявление о приеме в партию:

«Желаю идти на выполнение боевого задания коммунистом. Священное звание члена партии клянусь оправдать с честью. Буду предана до конца делу Коммунистической партии, буду защищать Родину, не щадя своих сил.

Е. Жигуленко»

Вручив заявление парторгу, она пошла к самолету. Теплый ветер веял ей прямо в лицо. Высоко в небе мерцали звезды. Аэродром, окутанный ночной мглой, казался безлюдным. В тиши и темноте вооруженцы еще раз проверяли, как подвешены бомбы.

Жене вдруг вспомнилась мать — ее голос, ее глаза, ее натруженные, морщинистые руки. Присев под крылом самолета, она быстро написала в тусклом свете карманного фонарика:

«Мамочка! Сегодня у меня первый боевой вылет. Я приложу все силы, чтобы выполнить задание с честью, выполнить так, чтобы принести пользу Родине. Но если что-нибудь случится, ты должна быть стойкой, должна помнить, что твоя дочь погибла за Родину. Я хочу, чтобы ты была мужественной...»

Летела Женья в ту ночь штурманом с летчицей Диной Никулиной, и обе они, выполнив задание, вернулись несколько разочарованные: не встретили вражеского сопротивления.

А немного позже, выскакивая из кабины на примятую траву аэродрома, Женья подумала: «Зря я мамочку напугала, — обыкновенный маршрутный полет...»

Одна за другой девушки проходили боевое крещение. В большинстве случаев полеты оказывались легкими, враг мало давал знать себя, чаще молчал. Но случалось и по-иному.

Самолет Иры Себровой и Кати Рябовой, вылетая в первый раз, попал под обстрел зениток. Он удачно вышел из зоны огня и скрылся до того, как его начали вновь нащупывать прожекторы противника.

В следующую ночь Себрова летала с Руфиной Гашевой. Сделали три вылета. Возвращаясь в третий раз на свой аэродром, произвели неудачную посадку — разбили прожектор, повредили самолет. Этот случай послужил темой разбора на собрании летного состава. Выяснилось, что Себрова и Гашева не видели посадочных знаков, так как стартовые огни горели очень слабо — в целях маскировки. По ошибке они зашли на посадку с противоположного направления.

Командир полка Бершанская приказала разъединить экипаж, у которого эта неудача была второй: первая — еще на Волге. В таких случаях теряется взаимное доверие между летчиком и штурманом, а без доверия летать нельзя. К Себровой штурманом была назначена Наташа Меклин, а Гашева переведена на самолет Лели Санфировой.

Узнав об этом, Ира спросила у Наташи, когда они были одни:

— Ты не боишься летать со мной? Я ведь неудачница.

Наташа сочувственно взглянула на подругу, лицо которой хранило следы горьких дум, и ответила, обняв ее:

— Что за ерунда! Всякое бывает, на то и война.

А вскоре девушки извели неутраченную боль.

Однажды ночью не вернулись со своего первого боевого задания

*Наблюдают за полетом своего самолета (слева направо):
Мария Смирнова, Евдокия Никулина, Евгения Руднева,
Ирина Себрова, Наталья Меклин и Ксения Карпунина*

командир эскадрильи Люба Ольховская и штурман Вера Тарасова. Долго ждали их на аэродроме — и не дождались. Не хотелось верить, что нет больше веселой, никогда не унывающей, сильной и смелой Любы. Не хотелось верить в безвременную гибель доброй и скромной Веры Тарасовой...

Весь следующий день девушки жили надеждой, что вот-вот услышат рокот мотора и увидят самолет Ольховской.

В полку тяжело пережили первую потерю.

Спустя год Ира Дрягина писала в литературном журнале эскадрильи: «Никогда не изгладится из памяти образ Любы Ольховской, голубоглазой дочери Украины, моего боевого командира... Мы говорим и будем говорить о ней, как о живущей среди нас, неутомимой, горячей, зажигающей всех своим личным примером, своей большой ненавистью к врагу». Продолжал жить в сердцах девушек и образ тихой бесстрашной Веры Тарасовой.

Командиром эскадрильи вместо Ольховской назначили младшего лейтенанта Никулину, штурманом эскадрильи вместо Тарасовой — старшину Рудневу.

В этих назначениях сказалась большая наблюдательность командира полка, его умение распознавать людей. Хорошо зная индивидуальные особен-

ности обеих девушек, Бершанская была уверена, что они будут прекрасно дополнять друг друга. И это оказалось так.

Полеты на боевые задания продолжались. Летали все новые экипажи. Пришел черед Дуси Пасько. Она летала с летчицей Зоей Парфеновой,

В ту ночь на старте присутствовал командир дивизии полковник Попов. Он, видимо, хотел убедиться, что гибель двух девушек не отразилась на боевом духе остальных, хотел поддержать их и сердечным словом, и советом старшего, опытного авиатора.

Маленькая Дуся Пасько в комбинезоне выглядела еще меньше. И ей показалось, что полковник смотрит на нее с некоторым недоверием: «Что, мол, взять с нее, если она под крылом самолета пешком ходит!..» «Пусть думает, — пронеслось в голове Дуси, — как будто дело в росте! Недаром народ говорит: «Мал золотник, да дорог!».

И она уверенно вошла в кабину, нарочито резко отвернувшись от полковника.

Понял он, в чем дело или нет, трудно сказать, но глаза его потеплели, и он долго смотрел вслед машине, скоро растаявшей во мгле.

Самолет миновал линию фронта и точно, во-время вышел на цель. Увидев ее, Дуся сбросила бомбы. Враг не отвечал. Где-то в стороне били зенитки, метались лучи прожекторов да время от времени рвались снаряды.

Когда экипаж благополучно возвратился на свой аэродром, Дуся подошла к Рачкевич:

— Почему в нас не стреляли, ведь мы попали в цель?

Девушки не знали, что командование дивизии их щадит, давая для первых вылетов незначительные цели, может быть, даже неукрепленные. Это была проба сил, испытание на выдержку. Это была и школа боя, начальный ее класс.

5

К июлю 1942 года противник занял Ворошиловград, Лисичанск, Миллерово. Гитлеровцы наводили переправы через Дон. Дым пожаров стлался по всему обширному району, от Азовского моря до приволжских степей.

Авиаполку Бершанской пришлось покинуть свой первый прифронтовой аэродром и переместиться на юго-восток.

Отступление... Не было ничего тягостнее и страшнее для советских воинов, чем оставлять на разграбление врагу цветущие города и села, отдавать под его иго — пусть и на время — бесконечно дорогих советских людей. Но законы войны бывают жестоки. Чтобы победить завтра, надо было отступать с боями сегодня, изматывая и подрывая силы врага.

Чем дальше отходили наши войска на восток, уступая временному превосходству противника в численности войск и технике, тем больше росла

ненависть воинов к захватчикам, крепла их решимость во что бы то ни стало разгромить противника.

Тяжело и мучительно было смотреть на пожары, на груды развалин. Тяжело и мучительно было видеть, как лютует враг. Но не было уныния, не было отчаяния. Ничто не могло поколебать веры советских людей в победу. Воля к победе, святая ненависть и жажда мести умножали силы.

В те дни техник Мэри Жуковицкая неожиданно встретила со своим братом, от которого не имела вестей с начала войны.

Однажды утром небольшая колонна танков, направлявшаяся к линии огня, остановилась около временной полевой площадки полка. Покаправлялись машины, танкисты вступили в разговор с девушками-авиаторами. И вот молодой офицер, командир взвода танков, почему-то с грустью смотревший на девушек в авиационных шлемах, сказал со вздохом:

— А моя сестренка до войны тоже хотела стать летчицей, училась в аэроклубе...

— Где же она сейчас?

— Кто знает! Город наш оккупирован, я сразу ушел на фронт...

— А как ее зовут?

— Мэри, Мэри Жуковицкая.

Тотчас, не говоря ни слова, девушки подхватили под руки офицера и вместе с ним побежали к стоявшему неподалеку самолету. Под крылом его, на земле, спал после трудной боевой ночи весь экипаж — пилот, штурман и авиамеханик Жуковицкая.

Борис сразу узнал сестру. Разбуженная, она в первую минуту не верила своим глазам.

— Я думала, тебя уже нет...

— Напрасно, напрасно! Мы еще вернемся домой, в Днепропетровск, мы еще отпразднуем нашу победу!

Все радовались этой встрече. Девушки хотели подарить что-нибудь на память танкисту, но под рукой ничего не было, кроме пачки папирос, которую и вручили ему торжественно.

Авиамеханик Мэри Жуковицкая

Группа вооруженцев полка. Сидят (слева направо): Валентина Пустовойтенко, Лидия Николаева, Анна Сергеева, стоят (слева направо): Евгения Павлова, Ася Пинчук, Полина Петкилева, Зинаида Вишнева, Мария Марина, Мария Логачева, Любовь Бутенко, Лидия Махова

А танки уже загудели моторами.

— До свидания, дорогие! — сказал танкист, направляясь к своей машине.

— До встречи после победы! — кричали вслед девушки.

Мысль о грядущей победе нашего народа над кровавым фашизмом никогда не покидала их. Они знали, что победа не приходит сама собой, что ее можно добыть лишь в упорной, самоотверженной борьбе, и боролись за нее, не щадя ни сил, ни самой жизни.

Мужественно и стойко переносили девушки-воины все лишения и тяготы этого исключительно сурового периода войны. Район действий полка менялся почти ежедневно. Непрестанно изменялись очертания линии фронта, трудно было ориентироваться с воздуха, чтобы случайно не ударить вместо врага своих. А штаб дивизии с каждым днем давал полку все более ответственные

задания. Боевая работа требовала от всех огромного напряжения. Ночью самолеты снова и снова шли на бомбежку, нанося немалый урон гитлеровцам. Днем летчицы становились разведчиками, связистами, помогая командованию оперативно руководить войсками. Много сил отнимали бесконечные перебазирования: то и дело после бессонной ночи самолеты перелетали днем на другую базу, перевоза и технический состав и бомбы.

Но никто не сетовал на трудности.

Быстро позабыли о кроватях, о простынях. Спать приходилось где попало: то на земле, тут же на аэродроме, под крылом своего самолета, то на стогах сена, то в сараях, один из которых, прежде служивший коровником, девушки прозвали «Гостиница летающей коровы».

Порой не хватало продуктов — пищеблок бродил неведомо где. Правда, жители сел и деревень, где останавливался полк, готовы были делиться последним с девушками-воинами. Горели дома, приближался враг, а простые советские люди, окаменевшие от горя, хотя и верили, знали, что горькие дни минуют, ничего не жалели для своих воинов. Но девушки от всего отказывались.

— Что же вы, доченьки, обижаете меня? — упрекала пожилая женщина из станицы Александровская Иру Себрову и Наташу Меклин. — Не у чужих небось, у себя дома, кушайте, кушайте на здоровье! Когда вам еще доведется-то сидеть за столом.

— Спасибо, — отвечала Наташа, — но мы сыты, не хочется нам.

— И слушать не хочу, — твердила женщина, ставя на стол все, что было дома. — И разговора чтоб не было!

— Да мы ведь уже ели, — сказала Ира, — право, ели, не нужно нам ничего. Вы для ребят своих поберегите.

— А вы что — не мои? — ответила женщина, и такая сила была в ее словах, что они навсегда запомнились девушкам, вместе с небогатой ее хатой, с черноглазыми ее детьми, все любопытствовавшими, не встречался ли им, часом, их отец, солдат, и старший брат, артиллерист, по имени Федор...

Ненадолго задержались здесь девушки. День, другой, заполненный боевыми полетами, с коротким сном в промежутках, и опять в горький, беспокойный путь.

А боевая работа все усложнялась, становилась все напряженнее.

6

Теперь девушки не только бомбили врага — они были и связистами и разведчиками, а иногда и транспортниками.

Экипажи Поповой—Рябовой, Чечневой—Ключевой, Пискаревой—Ароновой, Худяковой—Тимченко по заданию командира полка часто летали

днем на разведку. В летной книжке Нади Поповой таких дневных полетов значится около двадцати.

Разведчики не раз попадали под обстрел на линии фронта, особенно в районе Ворошиловграда и Красного Луча. Иногда за ними гнались фашистские истребители «Фокке-Вульф». Но летчицы удачно уходили из-под обстрела, приземлялись на случайных площадках (Чечневой однажды пришлось сесть прямо на дорогу), связывались с нашими наземными частями и узнавали обстановку.

Иногда приходилось делать по десяти посадок в один день. Экипажи благополучно возвращались, хотя и с повреждениями в машинах, и приводили ценные сведения.

Экипажи Смирновой—Сумароковой, Себровой—Меклин, Парфеновой—Пасько, Носаль—Гельман, Санфириковой—Гашевой, Макагон—Жигуленко, Макаровой—Белик из ночи в ночь бомбили вражеские переправы на Дону и наносили удары по мотомеханизированным частям противника на дорогах, сдерживая его натиск.

Дуся Пасько вспоминает, как в одном из десяти первых боевых вылетов ей с Парфеновой «повезло»: они попали под огонь зенитной артиллерии. Им удалось сбросить бомбы на эту огневую точку противника и заставить ее замолчать. Удачное попадание подтвердили потом летчики других полков, вылетавшие на ту же цель.

А Кате Тимченко особенно запомнился боевой вылет, после которого командир полка сказал ей, прервав ее рапорт о ходе полета:

— Дальше можете не докладывать. Мне все известно. Предыдущий экипаж сообщил, что вас сбили, что он видел ваш самолет падающим в прожекторах...

И тут была немалая доля правды.

Катя летела с Ниной Худяковой. Они прилетели к цели, оставалось сбросить бомбы, как вдруг вспыхнули прожекторы, загремели зенитки. Девушки навели самолет на прожектор, сбросили бомбы, но другие прожекторы не выпускали их из своих цепких щупальцев. Машина металась то вправо, то вверх, то вниз и сорвалась в штопор, камнем ринулась к земле.

— Почувствовав это, — рассказала Катя, — я подумала, что рано умирать, и мне стало больно, что не увижу больше своих, и я встревожилась, что мы упадем не на своей территории, и тут же сказала себе: нет, нет, я ни за что не разобьюсь, буду жить, биться, бить фашистов, и все это как-то мгновенно, молнией, пронеслось в голове...

Тем временем, она помогла пилоту вывести машину в нормальный полет. Прожекторы еще слепили и жгли глаза, пули свистели вокруг, но Нина уверенно вела машину во тьму, к жизни.

Вырвавшись из зоны прожекторных лучей, Катя взглянула на часы: самолет был в ловушке только четыре с половиной минуты, а ей показалось — вечность.

Осмотрев машину на аэродроме, девушки увидели, что ее плоскости и фюзеляж изрешечены пулями.

— Это второе ваше рождение, — сказала авиамеханик.

А сколько их было, таких дней рождения, у каждой девушки!

Они не только воевали, — сражаясь, они и учились, закалялись, росли в боях. Мужества им всегда хватало, а вот мастерство нужно было еще оттачивать в огне. Но постепенно накапливался боевой опыт, совершенствовалось боевое мастерство всех и каждого.

Дина Никулина, возглавившая эскадрилью, где штурманом стала Женя Руднева, рассказывает о своей боевой подруге:

«Как сейчас помню первые ее робкие полеты на задание. Но она настойчиво работала над собой, исправляла все свои ошибки, на которые ей указывали, и уже последующие полеты с ней были куда легче, она всегда выводила на цель точно, никакие преграды на пути для нее не существовали.

С Женей стало как-то по-особому приятно и уверенно летать! Ни одного вопроса в воздухе ей задавать больше не приходилось, она стала чувствовать самолет и понимать летчика всем своим существом».

Женя по праву писала в те дни друзьям в Москву:

«Что сказать о себе? Самое главное: фашистов тревожим на славу, рас-плачиваемся с врагом по совести...

Работаем мы хорошо, это я не для того, чтобы хвалиться, зря говорю, а чтобы вы знали, что время здесь зря не тратим, сколько тонн бомбочек я фашистам уже на голову сбросила — как-нибудь потом подсчитаем!..»

День и ночь, не зная усталости, техники, механики и вооруженцы работали у самолетов. Не было случая, чтобы машины подводили в воздухе: девушки обеспечивали безотказное их действие в самых трудных условиях, умудряясь на ходу исправлять такие повреждения, которые в мирное время надолго выводили самолет из строя. «Золотые руки», — говорили о них.

Несмотря на сложность обстановки, порядок в полку становился образцовым: все делалось быстро, точно, во-время.

Чем труднее становилось им летать, сражаться, жить, тем лучше они начинали действовать, выше поднималась их организованность, крепла дисциплина.

Командир полка, Евдокия Бершанская, всегда спокойная, деловитая, не терявшая присутствия духа в самых критических обстоятельствах, служила девушкам наглядным примером выдержки, стойкости, воли к борьбе.

Как командир полка Бершанская много отдавала сил организационным делам. Она старалась так наладить работу на старте, чтобы обеспечить предельную четкость действий, отсутствие малейшей суеты, нервозности. Уже в этот период она начала приучать весь личный состав полка к строгому соблюдению правил рассредоточения самолетов и вспомогательных средств на аэродроме, разбивке старта и т. п. Созданный тогда в части порядок остался почти неизменным в течение всей войны.

*Штурман Галина Докутович.
Совершила сотни боевых вылетов*

Бершанская всегда присутствовала на старте, давала задания и объясняла их значение командирам эскадрилий. Она принимала участие в разборе допущенных ошибок, указывала, как их избежать в дальнейшем.

Весь полк жил полетами, борьбой с врагом. Девушки рвались в бой, каждый нелетный день считали потерянным. Всем хотелось летать, и даже тем, кому это не полагалось.

Галю Докутович назначили адъютантом эскадрильи. Летать она не была обязана. Но ее неудержимо тянуло в воздух, в бой. С разрешения командира полка ей иногда удавалось вылетать на бомбометание.

В дневнике, который вела тогда Галя, записано:

«...Летаю с Надей Поповой. Мне нравится. Она летает хорошо, спокойно и как-то легко. Вчера мы подорвали что-то. Очевидно, боеприпасы. И поэтому я чувствовала себя именинницей».

«...Не стану переходить на личное.

Оно слишком серо и безотраднo. Летать не приходится. В этом вся причина того, что опускаются руки ко всему».

Она бывала счастлива лишь тогда, когда сама непосредственно наносила удары фашистам — личным смертельным врагам девушки из тихого белорусского городка, мечтательной и порывистой, человеколюбивой и требовательной к людям, к жизни.

Вскоре Галя стала летать, как все, — без сна, без отдыха. Однажды, вернувшись с полета, она прилегла отдохнуть на аэродроме: девушки отдыхали тогда лишь так, урывками. Шофер бензозаправщика, торопившийся на старт, не заметил ее в высокой траве. Галя попала под автомашину, стала жертвой несчастного случая.

У нее был поврежден позвоночник. Она пересиливала страшную боль. Никто не слышал ее стонов, не видел слез, хотя она, конечно, плакала втихомолку. А вытерев глаза, успокаивала взволнованных подруг:

— Не огорчайтесь, я скоро поправлюсь.

Начальнику штаба она сказала:

— Дайте мне слово, что когда я поправлюсь и вернусь в полк, вы не назначите меня адъютантом! Я буду рядовым штурманом и буду всегда летать.

Она говорила это, лежа пластом, не имея сил повернуться, приподнять голову. На бескровном, белом, как алебастр, лице ее жили только глаза, страстные и упрямые.

Галю отправили в госпиталь, а оттуда эвакуировали в Махачкалу.

7

После падения Ростова фашистские дивизии устремились на Северный Кавказ по главной железнодорожной магистрали: Ростов — Тихорецкая — Кавказская — Армавир — Прохладная.

Они расчищали себе дорогу к кавказской нефти — к Грозному и Баку. Гитлеровское командование наметило даже контрольный срок захвата Баку — 25 сентября 1942 года.

Задача всей авиации фронта, в том числе и женского полка, состояла теперь в том, чтобы всячески тормозить продвижение противника, громя железнодорожные объекты и не давая вражеским мотомеханизированным частям продвигаться по дорогам.

Эту задачу полк успешно выполнял на своем участке. Весь летный и технический состав работал неутомимо, не считаясь с опасностями.

Старший авиатехник эскадрильи Дуся Коротченко вспоминает, как однажды в сумерках она перелетала с командиром эскадрильи Диной Никулиной с одной площадки на другую.

Едва самолет поднялся в воздух, как появился вражеский истребитель и стал пикировать на него. Никулина сбавила обороты мотора, и самолет пошел вниз.

— Что вы делаете! — закричала Дуся, — Здесь садиться нельзя, костей не соберем — воронки да рывины!..

— А я не собираюсь садиться, — спокойно ответила Никулина, — полетим над самой землей, — И пошутила: — Следи за колесами, чтобы за что-нибудь не зацепиться!

Фашистский истребитель, убедившись в невозможности настичь тихоходную, но увертливую машину, дал в воздух несколько пулеметных очередей и исчез.

Бреющим полетом, едва не касаясь колесами земли, Никулина привела самолет на новую площадку.

Так же благополучно завершилась и встреча Дуси Носаль с истребителем противника. По заданию командира полка она вылетела днем для установления связи со штабом дивизии. Ее обнаружил вражеский истребитель и погнался за ней. Умело маневрируя, Носаль на бреющем полете прошла над улицей села, по балкам и оврагам ускользнула от врага и прилетела к месту назначения.

Но единоборство «По-2» с истребителями не всегда оканчивалось благополучно.

Случилось так, что в Сальской степи Наде Поповой со штурманом из штаба дивизии пришлось на бреющем полете уходить от истребителя. Вражеские пули подожгли ее самолет в воздухе, Надя успела приземлиться и вместе со штурманом вылезти из машины. В этот момент налетело звено фашистских истребителей и еще раз обстреляло все вокруг. Экипаж остался невредим, но самолет взорвался.

Долго брели они по степи, пока не встретили своих: то были пехотинцы, торопливо рывшие окопы, щели.

— Не туда курс держите, товарищи летчики, — сказал командир, молодой еще человек, с щетинистым подбородком и воспаленными глазами. — К югу, к югу держите, там большак, машины. А у нас скоро станет горячо!

И, увидев, как посуровела девушка, вдруг добавил, от души усмехнувшись:

— Ничего, пар, говорят, костей не ломит...

Простившись со штурманом, направившимся в штаб дивизии, Надя отыскивала свою часть, перебираясь с одной попутной автомашины на другую.

На перекрестке в большом селе ее усадили в попутную санитарную машину. В кузове сидел раненый, судя по комбинезону — летчик. Голова его была окутана марлей. Сквозь щели в повязке, закрывавшей его лицо, сверкали карие озорные глаза да виднелся четко очерченный твердый рот.

Машина тронулась. Летчик молча, с явным удовольствием рассматривал синеглазую девушку в комбинезоне, с пышными золотистыми кудрями, выбившимися из-под шлема. Наде стало почему-то неловко, и она почувствовала, как лицо ее заалело под загаром.

— Что, не узнаете? — сказала она с задором, пытаясь скрыть смущение.

— Отчего ж, — весело ответил летчик. — Кто не знает дочек Бершанской! Завидные, говорят, невесты, слухом земля полнится.

Наде тоже стало весело.

— Невесты-то завидные, — кинула она в тон ему, — да женихов нет под стать!

— А чем я не жених?

Она рассмеялась:

— Да я-то ведь не хирург!

— А вы не торопитесь, мои раны до свадьбы заживут...

Потом заговорили серьезно — о боях, о том, как били и будут бить фашистов, о том, что тихий Дон стал грозным.

Им казалось, что прошли минуты. Но это были часы.

И из кабины уже настойчиво стучал водитель:

— Э-эй, девушка! Выходи, твой пункт...

Кивком попрощавшись с попутчиком, она бросилась к двери.

Когда Надя отыскала, наконец, свой полк, это было праздником для

Летчица Надежда Попова перед вылетом

всех: опасались, что она погибла. Но ее радость быстро прошла: она осталась без самолета.

Что ей можно было делать? Помогать на аэродроме выпускать и принимать машины? Болеть сердцем за других, за тех, кто бьет врага, а не поджидает, как она, у моря погоды?

— Настроение у меня было ужасное, — вспоминает Надя. — Снова и снова ходила я к командиру полка, говорила, что так нельзя, что летчик без самолета, как охотник без ружья, какой же я летчик!

Когда через две недели ей дали новый самолет, она стала летать без отдыха, без передышки, чтобы наверстать упущенное.

Вернется на аэродром, скажет механику: «Принеси что-нибудь пожевать», поест, не выходя из кабины, пока самолет заправляют горючим, подвешивают бомбы, — и опять в полет, в бой.

А раненый кареглазый летчик не выходил из ее памяти. И сама не зная отчего. Надя испытывала смутное беспокойство, думая о нем. Поправился ли он? И как воюет? И как его зовут?

Но они еще встретились.

Натиск фашистов не ослабевал.

Советская авиация, в том числе полк Бершанской, продолжала непрерывно наносить врагу удары с воздуха. Летали до тех пор, пока вражеские танки не подходили к временно занятой под аэродром площадке, а затем перебегали на другую площадку — и снова в полет, в битву.

Как-то полк расположился в шести километрах от станции Целина, у конного завода. Еще не успели вернуться с задания самолеты, когда на аэродроме появился командир дивизии и приказал немедленно улетать — станция Целина уже была занята гитлеровцами. Самолеты не могли всех увезти, а автомашин не хватало. Группе вооруженцев и техников, а также секретарю парторганизации Рунт пришлось пройти несколько десятков километров пешком. И хотя нервы у всех были натянуты до предела, руки сжимали винтовки, пистолеты, девушки выглядели бодрыми, спокойными, подшучивали друг над другом.

С тех пор прошло много времени, но и сейчас бывшие однополчане полка Бершанской вспоминают о лете 1942 года, как об одном из самых тяжелых периодов войны. Еще не закаленные в боях, они выдержали громадное напряжение физических и моральных сил, зачастую не спали сутками и совершали сотни боевых вылетов.

«Никто из нас не был уверен, что сохранит жизнь, но все горячо верили в победу», — вспоминает Дуся Пасько. Эта вера в конечную победу нашего правого дела, в нашу партию и наш героический народ наделяла девушек могучими, неиссякаемыми и неодолимыми силами.

Воспитанные Коммунистической партией, они всей душой были с нею в тяжелое для Родины время, черпая все новую бодрость и энергию в мыслях о партии, в чувстве своего неразрывного единства с ее сплоченными, непоколебимыми рядами, осененными знаменем великого Ленина. Именно в эти суровые дни многие из них осуществили свою мечту о вступлении в партию коммунистов.

В этот период число членов партийной организации полка выросло больше чем вдвое. Кандидатами в члены партии были приняты: начальник штаба лейтенант Ирина Ракобольская, начальник отделения штаба Аня Еленина, летчицы лейтенанты Серафима Амосова, Дина Никулина, младший лейтенант Маша Смирнова, старшины Надя Попова, Нина Распопова, Леля Саифирова, Дуся Носаль; штурманы Женя Руднева, Катя Рябова, Дуся Пасько, Женя Жигуленко, Полина Гельман, Наташа Меклин; авиатехники Таня Алексеева, Римма Прудникова, Дуся Коротченко; вооруженцы Маша Марина, Лида Гогина, Саша Хорошилова.

Саша Хорошилова, ставшая к тому времени отличным вооруженцем, была одной из самых активных комсомолок в полку. Она давно хотела по-

дать заявление о приеме в партию. Но ее останавливало одно — случай с бомбой.

Случай этот заключался в том, что на самолете, который она подготовила к вылету, заело замок и одна бомба не упала. Экипажу пришлось вернуться на аэродром с бомбой. Хотя посадка произошла благополучно, девушка тяжело переживала это происшествие. И однажды она поведала свою боль Марии Ивановне Рунт.

Секретарь партбюро, услышав, что Саша считает случай с бомбой несмываемым пятном на своей совести, преграждающим ей путь в партию, поспешила успокоить ее, сказав, что дело обстоит совсем не так, что она преувеличивает свою вину, что она достойна быть в рядах партии.

Поздней ночью на аэродроме, отправив самолет в последний боевой полет, Саша писала заявление: «Прошу принять меня...»

Заседание партбюро, на котором оно обсуждалось, происходило в районе хутора Веселого, там, где теперь плещутся волны огромного Веселовского водохранилища канала Волга—Дон. Все дома здесь были тогда разрушены, и заседание происходило в пастушьем шалаше.

И, когда Саша начала рассказывать свою биографию, неподалеку разорвалась бомба, потом загудели фашистские самолеты — их знали уже по звуку. Секретарь скомандовал:

— В траншею, товарищи!

Самолеты пролетели, все вернулись в шалаш. А через несколько минут — новая волна бомбардировщиков. Опять пошли в укрытие.

Так повторялось три раза, пока, наконец, Мария Ивановна не бросила раздраженно, под гул вражеских самолетов:

— Ничто не может нарушить святого дела приема в партию! Останемся на месте, товарищи. Продолжайте, товарищ Хорошилова!

И Саша, словно не слыша, как фашисты обстреливали аэродром с воздуха, продолжала повествовать о своей простой и ясной жизни девушки из под Рязани, дочери крестьянина-бедняка, воспитанной в пионерском отряде, в комсомоле...

Потом началось обсуждение, как всегда, спокойное, обстоятельное. Были и добрые слова в ее адрес, были и поучительные.

— Кто за то, чтобы принять товарища Хорошилову кандидатом в члены нашей великой партии? — спросила Рунт, когда обсуждение закончилось, и, спустя мгновение, торжественно произнесла: — Принята единогласно!

Вспоминая все это, Хорошилова говорит:

— Я вышла из шалаша такая счастливая, что забыла о всякой опасности, а тут как раз — новый налет бомбардировщиков, и Аня Еленина просто силой уволокла меня в траншею...

В одну из августовских ночей полк получил задание ударить по пункту Покровская, служившему базой крупной группировки вражеских войск. Первым вылетел экипаж командира эскадрильи Амосовой, за ней — экипаж Тропаревской—Свистуновой. В трех километрах севернее Покровской девушки обнаружили поезд, стоявший на путях. Сбросили на него бомбовый груз. Результат — повреждение железнодорожного полотна и паровоза.

Вылетевший для контроля экипаж Носаль—Гельман, обнаружив на путях три вражеских эшелона, четырьмя заходами с высоты шестисот метров сбросил на них бомбы. Возник большой пожар. По пламени и густым клубам дыма видно было, что горят цистерны с горючим.

Эту боевую ночь летчицы хорошо запомнили. Врагу был нанесен большой ущерб, он потерял много горючего, нужного танкам, самолетам. Но еще важнее было то, что движение по железной дороге застопорилось на значительном протяжении, сковывая работу вражеского тыла и действия войск врага на этом направлении.

Вскоре, ночью 12 августа 1942 года, на полковом партийном собрании были подведены итоги боевой работы полка. Мария Ивановна Рунт сделала большой доклад. Отдавая должное всему личному составу, выдержавшему тяжелое испытание в оборонительных боях, секретарь партбюро заявила:

— Самоотверженно, не зная усталости, работали все — и летчики, и штурманы, и техники, и вооруженцы. Материальная часть действовала безотказно. В чрезвычайно трудных условиях поврежденные самолеты восстанавливались силами полка, ни один поврежденный самолет не был оставлен противнику. В то же время наши действия дорого стоили фашистам.

Теперь, когда позади осталась Кубань, а впереди виднелся Терек, перед полком встали новые задачи. «Ни шагу назад!» — таков был приказ Верховного Главнокомандования, и это требовало от женского авиационного полка еще большей выдержки, стойкости и железной дисциплины.

Коммунисты заявили о своей готовности с честью выполнить волю Родины. Голосом коммунистов говорил весь полк.

